

# Интеллект – ключ к развитию



О роли интеллектуальной собственности в обеспечении технологического суверенитета отечественной электроэнергетики журналу «Вести в электроэнергетике» рассказывает научный руководитель Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности (РНИИС), председатель межгосударственного (МТК 550) и национального технического комитета по стандартизации «Интеллектуальная собственность» (ТК 481), председатель Комиссии АЮР по интеллектуальной собственности, эксперт РАН, эксперт ООН, д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Владимир ЛОПАТИН.

## ЭКОНОМИКА НАОБОРОТ

— Владимир Николаевич, вопрос обеспечения технологического суверенитета страны сегодня стоит особенно остро. Как так получилось, что, являясь первопроходцами во многих технологических областях (в т. ч. микроэлектронике, технологиях чистого сжигания угля и пр.), мы отстали от Европы, США, Китая? Что нужно для того, чтобы выйти на лидирующие позиции?

— Если коротко, то наша стратегия и политика должны быть направлены на выявление и устранение причин сохранения затянувшегося господства на постсоветском пространстве так называемой «экономики знаний» как «экономики наоборот», ведущей к утрате технологического суверенитета и национальной конкурентоспособности.

Наша страна всегда была в мире не только самой богатой по ресурсам, в т. ч. жизненно необходимым, но и родиной большинства гениев человечества, творения которых нередко и зачастую определяли мировой научно-технический прогресс (НТП). Напомню, что к 1990 г. из 54 макротехнологий, определяющих НТП в мире, каждая третья (18) принадлежала нашей стране.

Зависть, как известно, один из смертных грехов и пороков людей. Но именно она, на мой взгляд, не даёт покоя уже многие столетия нашим «соседям» по планете, побуждая их к различного вида шпионажу, включая промышленный, формированию «пятой колонны» во всех органах власти и корпоративного управления, провокациям, диверсиям и войнам.

Несоответствия, вызовы и взаимозависимости XXI столетия в условиях информационной войны, экономических и политических санкций и вынужденных контранакций обнажили «нарыв», требующий вскрытия, очищения и оздоровления норм и институтов права и экономики и механизмов их исполнения в мире.

В итоговом документе XIII Международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности», прошедшего 22 апреля 2022 г., такие противоречия в крайней фазе обострения были выявлены во всех областях современной экономики, политики и права. Выделю некоторые из них:

- реальный рынок (экономика) интеллектуальной собственности и так называемая «экономика знаний» (публикации и их индексация, патентные заявки и патенты);
- импортозамещение и информационные рейтинги;
- отток отечественного капитала и льготы для привлечения иностранных инвестиций;
- рынок сырья (РФ, ЕАЭС) и рынок технологий (США и ЕС).

Во всех без исключения странах СНГ и ЕАЭС на национальном и межгосударственном уровнях с начала столетия и по сей день продолжается прежняя (навязанная США и включённая в международные рейтинги ВТО и ВОИС) практика бесплатного информирования частных иностранных компаний и иностранных государств-конкурентов о результатах НИОКР, полученных при бюджетном финансировании, поскольку госконтракты (более 70 % всех НИОКР), как и гранты

бюджетных фондов, предусматривают в качестве основных условий оценки результативности показатели так называемой «экономики знаний». К ним относятся: публикации, индексируемые в т.ч. в зарубежных базах частных компаний *Web of Science* и *Scopus*, а также патентные заявки и патенты.

По этим информационным показателям в международных рейтингах Россия входит в десятку мировых лидеров, т.е. её можно отнести к развитым странам. Но по доле в создании добавленной стоимости от оборота интеллектуальной собственности при производстве и реализации инновационной высокотехнологичной продукции наша страна, как и другие страны ЕАЭС, — только в списке развивающихся.

К основным негативным последствиям использования в качестве основных целевых показателей оценки результативности НИОКР и информационной открытости (число публикаций и их цитируемость, число патентных заявок и патентов) в России, как и в других странах СНГ и ЕАЭС, можно отнести недостижение ключевых целей инновационного развития и обеспечения конкурентоспособности отечественных разработок и созданной на их основе инновационной продукции национальных правообладателей и товаропроизводителей. В итоге, декларируя стратегию инновационного развития, на деле мы строим «оригинальную» экономику, основанную на экспорте сырья (информации) и импорте технологий, основанных зачастую на знаниях отечественных учёных. Так Россия и другие страны ЕАЭС финансируют из кармана налогоплательщика инновационное развитие зарубежных стран и компаний, нередко в ущерб собственным национальным интересам.

### **ЗАЩИЩАТЬ НУЖНО НЕ ТОЛЬКО УМЕТЬ, НО И ХОТЕТЬ**

— Электроэнергетическая отрасль неплохо прошла 2022 год. Вместе с тем, с введением санкций от нас ушли иностранные компании, которые обеспечивали отрасль высокотехнологичным оборудованием и сервисным обслуживанием. В результате, например, остро встал вопрос о переводе в щадящий режим эксплуатации электростанций с газотурбинными установками (ГТУ) импортного производства, чтобы продлить их рабочий ресурс. Благо, энергосистема выстроена так, что позволяет это сделать. Но имеет ли российская сторона возможность и право заставить поставщиков оборудования выполнять свои обязательства, несмотря на санкции? После введения санкций у нас нередко стали звучать предложения об отмене патентного права в отношении иностранных компаний. Как вы к этому относитесь?

— На любые санкции в отношении России и её союзников могут быть заявлены и реализованы контракции с нашей стороны. Для этого имеются достаточные правовые основания как в международных договорах, ратифицированных Россией (включая участие в ВТО и положения Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.), так и в федеральных законах. Например, согласно федеральным законам от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» и от 08.12.2003 № 165-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» правительство РФ наделено достаточно широкими полномочиями по защите экономического суверенитета и экономических интересов РФ и российских лиц. В марте 2022 г. федеральным законом в рамках антисанкционной деятельности правительству РФ были предоставлены новые полномочия, которые на основе Постановления Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения ГК РФ о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» были делегированы Минпромторгу России.

На основе разъяснений Конституционного Суда РФ по вопросам параллельного импорта (постановление от 13.02.2018 г. № 8-П) активно формируется судебная практика в защиту интересов отечественного бизнеса в этих непростых условиях.

Представляется, что в рамках реализации указанных полномочий необходим госзаказ на проведение инвентаризации и экспертизы поставляемых в РФ критически важных иностранных технологий и оборудования, в т.ч. в рамках «параллельного импорта», в основе которых использованы отечественные разработки, для выработки алгоритма защиты национальных интересов и обеспечения технологического суверенитета, в т. ч. с использованием цифровых технологий и механизмов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (ОИС).

При этом важно оперативно возрождать собственное производство, переходить от разговоров об импортозамещении к реальным проектам, где интеллектуальная собственность играет не последнюю роль.

Наглядным примером может служить сложившаяся ситуация с производством и поставкой огнестойких жидкостей для объектов энергетики, в т.ч. одиннадцати АЭС, на территории России. 100% этих масел в настоящее время производится за рубежом на основе базовой технологии ОМТИ, разработчиком

и правообладателем которой является Всероссийский теплотехнический институт (ОАО «ВТИ»), имеющий столетнюю историю успехов в развитии отечественной энергетики. В условиях санкций иностранные производители огнестойких масел повысили цены в два раза и ввели запрет на их поставку в Россию. Для обеспечения технологического суверенитета и энергетической безопасности государства, снижения зависимости от ограниченного количества производителей необходимо скорейшее возобновление собственного производства в Российской Федерации оригинального ОМТИ и иных огнестойких жидкостей, что требует оперативного рассмотрения вопроса о дорожной карте (в течение двух лет) в Минэнерго России с участием правообладателей базовой технологии, производителей оборудования и эксплуатирующих компаний.

— На конференции в ВТИ вы сказали, что Институт как изобретатель базовой формулы огнестойкого турбинного масла может подать в суд на иностранных поставщиков за контрафакт ОМТИ. Существует ли подобная практика в мире или это может быть прецедентный случай?

— Такие возможности у ОАО «ВТИ» есть, и не только через суд, и не только в отношении иностранных производителей и поставщиков, а в отношении всех нарушителей имущественных прав на эту технологию, правообладание которой подтверждено многочисленными документами и имеет реальную рыночную стоимость.

Международные споры по защите интеллектуальной собственности в условиях роста доли этого рынка в мировой торговле сегодня только растут. Лидерами здесь выступают США и КНР. В этой связи важна рекомендация уже упоминавшегося XIII Международного форума (2022). По итогам обсуждения практики технологического развития КНР участники форума пришли к выводу: практика Китая по использованию заимствованных чужих технологий для производства продукции в интересах своего внутреннего рынка с внутренним патентованием (до прекращения действия зарубежных патентов прежних правообладателей) с последующим патентованием доработанных технологий в странах потенциального легального рынка своей продукции может быть востребована при выборе контранакций в современных условиях как успешная и подтверждённая в судах, в том числе в США по искам КНР (например, Китай против Apple).

В нашей стране тоже есть истории успешной защиты интересов отечественных правообладателей от контрафактной продукции иностранных производителей (например, корпорация «Уралвагонзавод» в споре с китайскими производителями вагонных тележек).

В то же время в рамках единого таможенного пространства в ЕАЭС нужна единая политика противодействия контрафакту, без чего усилия отдельных стран Союза, включая Россию, будут малоэффективны. В соответствии с Договором о ЕАЭС (Приложение № 26) и в результате вступления в силу с 01.01.2018 Таможенного кодекса ЕАЭС при сохранении национальных правовых режимов в рамках пяти государств — членов ЕАЭС действуют три принципа исчерпания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности: международный, региональный и национальный. В условиях единой таможенной территории и единого экономического пространства ЕАЭС наличие национальных реестров в каждом государстве при разных подходах и процедурах их ведения и фактическом отсутствии единого реестра создаёт предпосылки для роста оборота контрафактной продукции и контрабанды через единую таможенную границу в рамках ЕАЭС. В этих условиях иностранный правообладатель может недобросовестно использовать исключительное право на товарный знак и ограничивать ввоз на внутренний евразийский рынок конкретных товаров или реализовывать ценовую политику, состоящую в завышении цен на этом рынке.

26.04.2017 на заседании Коллегии ЕЭК был одобрен проект изменений в Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 (п. 16, Приложение № 26), по которому Евразийский межправительственный совет надеялся бы правом устанавливать в отношении отдельных видов товаров действие международного принципа исчерпания исключительного права на товарный знак, т.е. мог разрешать параллельный импорт для отдельных видов продукции на территории ЕАЭС с учётом интересов всех стран Союза. За последующие восемь лет, к сожалению, эти изменения так и не приняты.

С этим во многом связано и решение правительства Республики Казахстан запретить с 1 апреля 2023 г. поставки в Россию иностранных товаров, включённых в санкционные списки недружественных нам стран. Все эти годы данное направление по интеллектуальной собственности непрерывно курирует (координирует и контролирует) член Коллегии (министр) по экономике и финансовой политике через департамент развития предпринимательской деятельности, назначаемый только от Республики Казахстан. Учитывая данное обстоятельство (когда любые инициативы по обеспечению решения существующих проблем, по сути, блокируются на этапе подготовки решения), вряд ли стоит удивляться причинам недостижения основных целей евразийской интеграции в сфере интеллектуальной собственности (гармонизация законодательства и координация защиты прав и интересов правообладателей в странах Союза). Стало очевидным,

что вопрос о введении обязательной ротации министров — членов ЕЭК и руководителей подчинённых им департаментов («по горизонтали») по закреплённым областям деятельности и полномочий давно назрел и перезрел. Сохранение прежней ситуации в этом вопросе не только усиливает риски снижения темпов интеграции, но и создаёт угрозы блокирования этих процессов в сфере интеллектуальной собственности, которая является одним из ключевых факторов обеспечения технологического суверенитета.

### КАЖДЫЙ ВТОРОЙ ПАТЕНТООБЛАДАТЕЛЬ В РФ — ИНОСТРАНЕЦ

**— Государство уделяет большое внимание технологическому развитию страны, выделяет деньги на НИОКРы. Но в каждом институте, каждой компании (в тех же «Россетях», «ОЭК», «Интер РАО»), на энергетических и электротехнических предприятиях — сотни патентов, которые никому не нужны. Что здесь не так? Что нужно, чтобы патенты работали?**

— В инновационной экономике интеллектуальная собственность — это не патент на стенке, а прежде всего реальный доход в кармане автора и правообладателя. В этом столетии бюджетирование процессов НИОКР выросло с 43 млрд до 1,4 трлн рублей. С 70 до 85% выросли расходы на исследования и разработки (хотя планировалось сократить расходы бюджета на эти цели до 50% — к 2020 г. и до 25% — к 2024 г.).

Почему не получилось?

Государственная политика обязательного патентования и госрегистрации для правовой охраны всех результатов интеллектуальной деятельности (РИД), полученных при бюджетном финансировании НИОКР, привела к противоположным от заявляемых результатам.

Во-первых, структура реального рынка интеллектуальной собственности за последние 20 лет принципиально изменилась (доля патентных продаж снизилась с 80 до 20 и менее процентов и продолжает падать). В цифровой экономике объективно растёт объём технологий, в основе которых — объекты авторского права (программы для ЭВМ, базы данных), смежных прав и ноу-хау, правовая охрана которых не требует государственной регистрации. Политика «патент ради патента» при крайне низкой доле коммерциализации прав на ОИС, охраняемых патентами (в РФ последние 20 лет ежегодно около 2%), ведёт к досрочному прекращению патентной правовой охраны ОИС из-за отсутствия инновационной мотивации и баланса интересов в «триаде» (автор РИД — правообладатель — инвестор).

За 30 лет во всех странах ЕАЭС, при преобладании политики «патент ради патента», выдано более 1,4 млн патентов, из них действует 370 тыс., в т.ч.

в РФ прекращено досрочно за последние 5 лет свыше 185 тыс. патентов. Этим нередко пользуются иностранные компании, которые при небольших доработках вновь патентуют эти технические решения на себя. За последние 10 лет весь прирост выдачи патентов в РФ обеспечен только иностранцами. Каждый второй патентообладатель сегодня в РФ — иностранец, а по отдельным отраслям и видам технологий эта доля ещё выше — до 90%. При этом совместные предприятия не создаются, лицензионные договоры с отечественными производителями не заключаются, принудительные лицензии не выдаются, что ведёт к вытеснению с национальных рынков отечественных компаний в угоду интересам международных и иностранных ТНК, к научно-техническому проигрышу, экономическим потерям и сохранению импортозависимости.

Во-вторых, закрытие госконтрактов на НИОКР по числу поданных патентных заявок при отсутствии обеспечения баланса интересов участников инновационного процесса (в триаде «автор — правообладатель — инвестор») привело к замещению экономической мотивации на создание и совершенствование технологий /продукции за счёт собственных средств ожиданием очередного госзаказа. Это многократно увеличило коррупционные факторы и риски в этой области. Использование предшествующей интеллектуальной собственности на всех этапах инновационного процесса от НИР — ОКР до производства должно сопровождаться заключением лицензионного договора с правообладателем (на возмездной основе — если РИД создан за счёт внебюджетных средств), что позволит включить интеллектуальную собственность в ценообразование конечной продукции. Условия и модель оборота интеллектуальной собственности должны обеспечивать мотивацию всех участников инновационного процесса (от автора — правообладателя до заказчика — инвестора) в совершенствовании созданных технологий для производства и реализации конкурентоспособной продукции. Это целеполагание является ключевым при определении и принятии Стратегии и политики управления интеллектуальной собственностью, как на национальном, так и отраслевом/корпоративном уровнях.

В-третьих, в условиях централизации государственного администрирования в сфере интеллектуальной собственности в мире (с 1967 г.) во всех странах СНГ и ЕАЭС (кроме России) созданы единые межгосударственные и государственные органы с объединением функций администрирования авторских, смежных, патентных и иных прав в отношении всех основных категорий объектов интеллектуальной собственности. Россия по-прежнему является единственной страной,

где функции госуправления и регулирования в этой сфере рассредоточены между более 15 ФОИВ, указанных в части четвёртой ГК РФ (Минобрнауки, Минэкономразвития, Минкультуры, Минцифры, Минобороны России и др.), но федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности законодателем назван только Роспатент. В то же время Роспатент здесь формально отвечает с 1 июля 2020 г. только за шесть из 20 категорий объектов интеллектуальной собственности, не располагает объективной информацией в отношении других ведомств и не является компетентным органом по всем вопросам этой сферы, как и не отвечает за коммерциализацию интеллектуальной собственности, созданную при бюджетном финансировании. Поскольку никто в органах власти в РФ не занимается мониторингом этой деятельности, то сложилось ошибочное представление о монополии Роспатента (Минэкономразвития России) в сфере регулирования интеллектуальной собственности. По сути, идёт конкуренция ведомств вместо конкуренции хозяйствующих субъектов по этим вопросам.

### ЧЕТВЁРТАЯ КОРЗИНА РЫНКА

— Что представляет собой рынок интеллектуальной собственности в России и мире? Насколько он изменился по сравнению с советским периодом? Как эти изменения отражаются на технологическом потенциале нашей страны?

— Обусловленность инновационного развития наличием цивилизованного рынка интеллектуальной собственности является объективной закономерностью НТП в мире и давно признана в США, Японии, Германии, с середины 1990-х гг. в Китае, в 2010 г. — в РФ, в 2011 г. — в ЕС. Структура мировой торговли меняется в пользу роста доли «четвёртой корзины» — рынка интеллектуальной собственности, когда при ценообразовании производимой и реализуемой продукции (товаров, работ, услуг, ценных бумаг) доля интеллектуальной собственности в создании добавленной стоимости постоянно растёт. В 2000 г. она составляла 4%, в 2018 г. — 15%, в условиях цифровизации к 2030 г. вырастет ещё вдвое — до 30% мирового ВВП.

В этой части интересно сравнить наши изменения с успехами КНР. Если 30 лет назад Россия и Китай имели одинаково плохие стартовые условия для инновационного развития, то сегодня Китай занимает лидирующие позиции в мировой торговле ИС и инновационной продукцией, обогнав весь мир по темпам инновационной активности и результативности. В 2023 г. он признан технологическим лидером в мире.

Десять лет назад (в 2013 г.), в преддверии первого визита китайского лидера в Россию ведущие СМИ КНР

опубликовали мою статью о «секретах» такого успеха Китая в интересах обеспечения собственной национальной и евразийской конкурентоспособности. За последующее десятилетие эти выводы нашли полное подтверждение. В основе «китайского чуда» лежат следующие слагаемые:

- стратегия инновационного развития через рынок интеллектуальной собственности, которая закреплена в документах КПК и реализуется в государственных, региональных и корпоративных стратегиях, программах и политиках инновационного и цифрового развития;
- инновационная политика ориентирована на конечную коммерциализацию интеллектуальной собственности через экономические механизмы создания добавленной стоимости, капитализации и привлечения инвестиций под её залог (основным заказчиком НИОКР выступают предприятия — 62%, в каждой крупной корпорации есть свой научно-исследовательский центр; одна средняя компания в области ИТ имеет до 1,5 тыс. ноу-хау, один муниципалитет — 25–30 тыс. патентов, ежегодный до 8% прирост ВВП, где рынок ИС обеспечивает 1/3 темпов роста; вклад инновационных предприятий в ВВП КНР ещё в 2011 г. составлял 60%);
- единые правила формирования, оборота (коммерциализации) и защиты интеллектуальной собственности и система органов их реализации (система регулирования в сфере интеллектуальной собственности включает: 1) общую часть ГК КНР с закреплением лишь общих норм права интеллектуальной собственности (с 1.10.2017) и Общие положения гражданского права КНР 1986 г. (ст. 94–97); 2) специальные законы об авторском праве и смежных правах, патентный закон и др.; 3) нормы кодексов об ответственности за нарушения в сфере интеллектуальной собственности; 4) стандарты, разработка и принятие которых в этой сфере отнесены к приоритетам государственной политики);
- централизованная система комитетов управления интеллектуальной собственностью снижает административные барьеры на пути вовлечения интеллектуальной собственности в экономический и гражданско-правовой оборот (от муниципалитетов до Пекина);
- развитая территориально распределённая по всей стране инновационная инфраструктура;
- эффективная система государственной правовой защиты (в 2021 г. в целях комплексной судебной защиты в сфере интеллектуальной собственности в 20 органах прокуратуры провинциального уров-

ня объединены функции по уголовным, гражданским и административным делам; возбуждено 14 тыс. уголовных дел; суды всех уровней рассмотрели 541 тыс. дел о нарушениях в этой сфере);

- подготовленные кадры профессионалов-посредников в сфере права, экономики и управления интеллектуальной собственностью (из расчёта 1 посредник на 10 исследователей).

Убеждён, что этот опыт важен и необходим как для нас, так и для других стран — участниц ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС в рамках Большого Евразийского партнёрства в условиях многополярного мира.

### ВОПРОС БЛИЖАЙШЕГО ВРЕМЕНИ

— Какое значение имеет интеллектуальная собственность для экономики страны и отдельно взятой отрасли, в частности, электроэнергетической?

— В научно-технической сфере интеллектуальная собственность играет важнейшую роль как механизм создания добавленной стоимости (доля ИС составляет до 10–15% от цены реализуемой продукции), как средство дополнительной капитализации активов предприятий и организаций (через нематериальные активы) и как инвестиционный ресурс (где под залог исключительных прав предоставляют кредиты, займы и банковские гарантии). Учитывая высокотехнологический уровень электроэнергетической отрасли, полагаю, что включение экономического потенциала интеллектуальной собственности в технологические и производственные цепочки развития отрасли — вопрос ближайшего времени. Если, конечно, мы заинтересованы в общем успехе на пути обеспечения национальной конкурентоспособности и энергетической безопасности страны.

— Как один из создателей первой в мире национальной системы стандартов по управлению интеллектуальной собственностью объясните, как эта система работает? В чём её цель? Влияет ли она на конкурентоспособность российских товаров и услуг? Принимается ли она за рубежом?

— Сфера интеллектуальной собственности включает в себя три предметных области регулирования: 1) правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации (объектов интеллектуальной собственности — ОИС); 2) использование ОИС и оборот имущественных прав на них; 3) правовая защита прав на ОИС. В области правовой охраны действуют 26 международных договоров ВОИС, включённых в национальные системы законодательства всех стран ЕАЭС, в т.ч. России. Правовая защита осуществляется на основе национальных судебных систем и органов администра-

ной юстиции. В центральной же области, связанной с включением интеллектуальной собственности в создание добавленной стоимости в рамках научной, научно-технической и инновационной деятельности и её коммерциализацией, регулирование крайне недостаточное. В условиях многочисленных правовых пробелов и противоречий стандарты могут выступать как эффективные регуляторы «мягкой силы». С этой целью в 2009 г. в системе Росстандарта был создан первый на постсоветском пространстве национальный технический комитет по стандартизации «Интеллектуальная собственность» ТК 481, а с 2017 г. на его основе — аналогичный межгосударственный комитет МТК 550 с секретариатом на базе РНИИС. К 2022 г. на основе разработанных в РНИИС и принятых более 25 стандартов в РФ создана первая национальная система стандартов «Интеллектуальная собственность», включающая, в т.ч. восемь межгосударственных стандартов в этой сфере. В марте 2023 г. РНИИС создана и зарегистрирована в Росстандарте первая национальная система добровольной сертификации в сфере интеллектуальной собственности (рег. № РОСС RU.Д2789.04РНИО от 23.03.2023).

Создание и применение национальных систем направлено на повышение качества при управлении правами на объекты интеллектуальной собственности на основе процедур и правил, закреплённых в стандартах, для целей обеспечения заявляемого уровня конкурентоспособности продукции. В перспективе — подготовка такого же пакета проектов международных стандартов и создание аналогичного международного ТК в рамках ИСО. Если при этом принцип обязательности применения будет возвращён в поле стандартизации, то эффективность их применения, думаю, только возрастёт.

— Почему российские разработчики не занимаются коммерциализацией интеллектуальной собственности? Это дорого, невыгодно или нет специалистов? Как изменить ситуацию?

— В вашем вопросе уже содержится ответ. Требовать от учёного или конструктора, чтобы он занимался коммерциализацией прав на результаты своего творчества, конечно, можно (что сегодня нередко и делают), но не нужно. В каждой области должны работать профессионалы. Например, в корпорации IBM на 3 тыс. сотрудников в 2015 г. приходился дивизион интеллектуальной собственности (250 юристов и 80 экономистов и менеджеров), которые профессионально помогали разработчикам оформлять, оценивать и продавать права на создаваемый продукт, принося ежегодный доход компании более 2 млрд долл. США. Потребность российского рынка в таких кадрах

сегодня — более 50 тыс. специалистов, в то время как ежегодный выпуск академии Роспатента составляет всего 150 человек.

### ПАРАДОКСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

— Как построена защита интеллектуальной собственности у нас и в других странах? Много ли споров возникает по поводу интеллектуальной собственности между конкурентами? Как часто в таких спорах участвуют российские производители?

— В области правовой защиты интеллектуальной собственности применяются нормы ГК РФ, КоАП РФ и УК РФ, а также действуют межгосударственные соглашения с участием России. Но при всей множественности законодательных норм об ответственности и структур их правоприменения защита остается «дырявой». При ежегодном росте дел по защите правообладателями своих прав в порядке гражданского судопроизводства эффективность защиты для правообладателей резко падает.

С 2010 по 2022 г. число лиц, привлеченных к административной ответственности, сократилось в 21 раз, количество налагаемых и реально взысканных штрафов — в 23 раза.

К 2022 г. по сравнению с 2008 г. число осуждённых по статье 146 УК РФ (авторские и смежные права) уменьшилось почти в 30 раз. За нарушение изобретательских и патентных прав по ст. 147 УК РФ за последние 15 лет было осуждено всего 15 человек, при этом в 2010, 2011, 2016–2019, 2021–2022 гг. не было привлечено к уголовной ответственности за данное преступление ни одного лица.

Аналогичная картина и в других странах ЕАЭС. По результатам анализа законодательства можно сделать вывод, что на межгосударственном уровне по-прежнему отсутствует объективная картина понимания объёма и структуры контрафактной продукции, что сохраняет основу для продолжения недобросовестной конкуренции.

В соответствии с международно-правовым подходом признанная контрафактом и национальным законодательством стран ЕАЭС (кроме РФ) контрафактная продукция — это товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности *ограниченного перечня* (объекты авторского права, объекты смежных прав, средства индивидуализации), созданные и (или) введённые в оборот с нарушением *любых прав* правообладателя, предусмотренных национальным законодательством (ограниченный перечень объектов интеллектуальной собственности при нарушении любых прав на них).

В РФ, согласно норме статьи 1252 ГК РФ, контрафактными признаются любые материальные носите-

ли, содержащие ОИС (более 20 видов) с нарушением только исключительных прав их правообладателей на эти ОИС. При этом в КоАП РФ и УК РФ сохранилась прежняя правовая модель защиты от контрафакта, согласно которой привлечь к административной и уголовной ответственности за контрафакт возможно лишь в части 5 из 20 категорий объектов интеллектуальной собственности. Такая же модель реализуется и в рамках таможенного контроля и защиты ИС таможенными органами в ЕАЭС, где, согласно п. 3. ст. 385 ТК ЕАЭС, в единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ЕТРОИС) могут включаться объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товаров. Т.е. *то, что признаётся контрафактом в России, не является таковым в других странах ЕАЭС, и его оборот не подлежит противодействию на таможенной границе ЕАЭС*.

К другим парадоксам можно отнести то, что Госкомиссия РФ по противодействию незаконному обороту промышленной продукции координирует деятельность 27 ФОИВ, среди которых отсутствуют Минкультуры России, Минцифры России и Роспатент, имеющие реальные полномочия по надзору в этой сфере.

— Вы являетесь экспертом РАН и ООН. Какие задачи решаются на уровне этих организаций?

— Исходя из названного статуса — экспертные. Например, после острых дискуссий в РАН в 2020–2022 гг., в рамках подготовки «Национального плана развития конкуренции в РФ на 2021–2025 годы», Постановлением Правительства РФ от 19.03.2022 № 414 был введён запрет до конца 2023 г. на применение требования по наличию публикаций в изданиях, индексируемых в Web of Science, Scopus, при оценке результативности научных организаций и вузов, научных исследований, результатов и показателей национальных проектов и государственных программ, деятельности кандидатов в члены и членов диссертационных советов, а также при осуществлении мер государственной поддержки. Одновременно дано поручение Минобрнауки России разработать при участии заинтересованных федеральных органов власти и организаций собственную отечественную систему оценки результативности проведения НИОКР. Однако с исполнением последнего поручения правительства РФ министерские чиновники, похоже, не спешат.

Так что работы ещё предстоит много, если мы хотим добиться, чтобы национальное богатство в этом столетии начало прирастать интеллектуальной собственностью, в чём я всем нам хочу пожелать успеха!

Вопросы задавала Людмила ЮДИНА